

ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХИАТРИЯ¹

Помещение в кратком физиологическом словаре² особенной большой статьи по психологии очень знаменательно для нынешнего состояния этой науки. Этим высказано, как факт, что психология вышла из того более или менее обособленного положения, в котором была до сих пор, и примкнула к наукам естественным. Этим признано, что она занимается, наконец, в кругу родственных ей наук приличное место, с которого ей уже легко вступить с ними в союз, выгодный для обеих сторон. В особенности же это относится к френологии³, которая в наше время поставила, как говорится, для себя задачею преобразовать психологию в естествознание, и «органическая психология» — лозунг ее. Уже это, наукою принятое направление, заставляет нас в начале нашего исследования указать ту точку зрения, на которой мы стоим, и обозначить ту цель, к достижению которой должны быть, по нашему взгляду, направлены все стремления.

Вполне убежденные, что учение о душевной жизни должно быть рассматриваемо и понимаемо органически, мы, однако, с этими словами соединяем смысл, несколько отличный от образа понимания френологов. Особенность и средоточный пункт своих воззрений френологи обозначают тем положением, что

¹ Загальний обсяг статті становить близько 70 рукописних аркушів. Друкується лише перша частина рукопису.

² Даних про видання фізіологічного словника в Росії в 2-й пол. 19 ст. немає. Можливо, П. Юркевич має на увазі певне німецькомовне видання. З огляду на велику кількість паралельних назв (термінів, спеціальних зауважень) російською і німецькою мовами, припущення щодо існування німецькомовного фізіологічного словника видається цілком слушним.

³ Френологія (від гр. *phrenos* — душа, розум, серце і ...логія) вчення про локалізацію окремих психічних властивостей в різних участках мозку, котрі можна розрізнити шляхом безпосереднього обмацування людського черепа. Ідеї френології були висунуті австрійським лікарем і анатомом Ф.Галлем, отримали широке розповсюдження в європейських наукових колах у 1-й пол. 19 ст.

происхождение всех в совокупности душевных деятельности возможно не иначе, как при посредстве [...] ⁴ от многих соответственных органов, хотя бы, например, органов мозга; стремление их, взятое в основание, направляется к тому, чтобы чувственное познание этих (и это соединяемо с ними) органов употребить, как средство, к обоснованию душевной жизни каждого неделимого.

Другая школа следует другому подобному пути, с тою только разницей, что органы души в их несколько дальнейшем протяжении она находит во всем теле и на отдельные телесные органы смотрит, как на пространственные представления, как на чувственные символы лежащих в их основе внутренних идей, которые, поскольку сознают себя, суть — душа. Мы приводим эти взгляды не для того, чтобы входить в критическую оценку их — это завело бы нас слишком далеко и стеснило бы пространство, только что необходимое для собственного содержания нашего исследования, к тому же в дальнейшем ходе нашего исследования мы еще очень часто будем говорить об этом. Здесь мы хотим только попытаться представить в более ясном свете различие нашего собственного взгляда.

Принимаем и мы органы души, только не от нее, но в ней самой. Так, что, по нашему мнению, душа есть такой же организм, как и тело, или лучше сказать, что они составляют цельный организм, суть один и единый организм, который только разветвляется в различные друг от друга направления и различным образом обнаруживает себя. Как физическая сторона имеет свои одни от других ясно различимые органы и системы, так вот точно имеет их и сторона психическая, с тем только различием, что эти последние воспринимаются не чувственным зрением, но одним лишь внутренним оком самосознания. Здесь мы приходим к понятию о душе, которое должны разъяснить, прежде чем перейдем к дальнейшему исследованию.

Никакое покушение не может так вредить ходу психологических занятий, как несчастная склонность вводить доводы в опытную науку. Мы слышим, только в разных вариациях, оные древние положения:

(1) нет силы без материи, — а душа есть сила мозга, что потом другие весьма последовательно развили до того, что нет души вовсе. Сами по себе эти идеи были бы для нас ма-

⁴ В рукописи нерозбірливо.

лозначаши, если бы только защитники их не воображали сами и не старались убедить свет, что они суть результат беспристрастного и широкого опыта, и те, для которых душа есть нечто существенное, преследуют воздушный призрак, тогда как, впрочем, собственные их предположения — фикции софского свойства, или эмпирические гипотезы.

(2) Что должен быть предмет, которому приписана сила, это само собою разумеется, потому что сила — только основа явления, действия. Если же после этого прибавляют, что этот предмет есть субстанция материальная, т.е. такая, которая подлжит нашим чувствам, если даже утверждают, что ничего не может быть, кроме материи, это, однако, не другое что значит, как только то, что все существующее может быть воспринято чувствами. Нет никакой надобности в опровержении этого положения приводить факты самосознания, не подлежащие предварительному чувственному восприятию. Самое это положение идет за физику (*hyper physisch*), так как оно хочет доказать нечто такое, что лежит вне всякого возможного опыта. Если же оно захочет, может быть, остаться в пределах его и сказать только, что все, для нас существующее, все, что не подлжит нашему опыту, должно быть воспринимваемо посредством чувства, то в таком случае в доказательстве очевиден круг, потому что сначала под опытом разумеется одно чувственное сознание, и потом отсюда же выводится вновь прежнее заключение. Но я имею опыт и о моем внутреннем Я, и о его состояниях, а этого моего самосознания, образования понятий ни я сам не могу увидеть, или послушать, ни другой не может сделать этого, хотя бы он владел и теми самыми точными физическими и химическими соединениями, которые разве могут быть приобретены будущими столетиями, хотя бы для него сделалось возможным исследовать мозг в самый момент его жизненных отправления.

Итак, хотя такие теории и кажутся выросшими на почве естествознания, в сущности, однако, они или метафизический, или односторонний эмпирический предрассудок, и не менее препятствуют беспристрастному исследованию (если стать что-либо отправлять из них), как и те другого рода теории, по которым душа посылается в тело из другого мира или зиждет его для себя. Чтобы относиться к делу без предупреждений и не путаться по милости априорных построений в неразрешимых никогда догадках, нужно не спрашивать о начале, об источнике психиче-

ской жизни, о сущности души, а просто наблюдать психические явления как они даны, точно также, как наблюдаются нами телесные. Как при этом наблюдении мы не спрашиваем о той идее, воплощение которой родило вещество, так точно не нужно (пока мы не вступили на почву философии) стараться искать другой какой-либо основы психического, кроме той, которая лежит в том особенном характере, с каким выступают эти явления в опыте, или выводить следствия, каких не открывает опыт. Поэтому с эмпирико-психологической точки зрения определение души будет не что иное, как истолкование внутреннего опыта, картина всего того, в этом опыте находящегося, что вместе взятое обозначается в языке словом «душа». Следовательно, душу психическую мы понимаем, как совокупность всего того, что мыслит, представляет, чувствует, знает, хочет и действует в человеке. Субъектом этого понятия могли бы мы, пожалуй, положить даже самого человека, так как то, в сущности своей неизвестное (X), в котором бывают все поименованные деятельности, во всяком случае составляет часть человека. Поскольку же для нас душа — только одна сфера целой человеческой жизни, а о целом можно сказать то же, что говорится о части, то можно одинаково безошибочно сказать: человек, поскольку он мыслит, чувствует и т.д. есть душа.

Но как тело мы узнаем в его явлениях, так и душу знаем из ее действий, и для наблюдения и исследования это ничего не значит, когда мы силы — основу этих деятельностей — принимаем равнозначными с ней самой. Следовательно, то, что мы называем силами, выходит не абстракция, как говорят обыкновенно, а силы живой, действительной вещи, части человека — души.

Основание же, почему собственно вышепоименованные деятельности с печатью души соединяем в одну общую склонность — это общий всем им характер, тот именно, что о бытии их свидетельствует не чувственное зрение, но самосознание. Это отражение душевных деятельностей в самосознании есть, очевидно, один лишь повод соединять их в один круг. Поэтому, хотя мы и отрицаем у животного самосознание, как средство объективировать по отношению к себе душевные деятельности, это, однако ж, мешает принять, что мышление, чувство и т.д., которые мы принуждены приписать и животному, составляют у него нечто общее, — что, таким образом, и животные имеют душу. Но на том самом

непосредственный опыт возможен только в приложении к душе человеческой, почему и в прежнем определении было сказано только о душе человеческой.

Итак, психология, как учение о душе, имеет своей задачей сообщить познание о всех душевных силах и поставить законы их действия. С этой целью она сопоставляет психические происшествия, как они являются самосознанию, замечает, в чем их сходство, в чем различие, и чрез это приводит их в надлежащий порядок. Ясно при этом, что отдельные обнаружения душевной жизни суть многоразличные комбинации и взаимодействия известных простых основных сил, и что эти последние опять друг друга взаимно предполагают и обуславливают, как в действии, так и в том, что они, таким образом, органически сочленены и органически действуют. Отсюда открывается аналогия с отношениями физической жизни, короткий эскиз которой мы хотим начертить здесь, чтобы яснее представлять значение органической психологии.

Как физическая жизнь разветвляется на множество различных друг от друга органов, так и психическая — на многие роды сил душевных, которые известны нам под именем многих отдельных чувств, способностей, дарований, правил, побуждений, склонностей, образов мысли и действия. Эти силы, обнаруживающиеся в отдельных душевных деятельностях, подлежащих опыту, суть, таким образом, собственные душевные органы; и различие их от телесных состоит только в том, что в душевных органах сознается только отправление, а субстрат скрыт от наблюдателя, тогда как в телесных мы видим материю, а ее действие сознается нами непрямо, и часто это познание едва только может быть добыто путем многотрудного исследования. Системы, входя друг с другом в различного вида соединения, и чрез это сами подвергаясь многим видоизменениям, устрояют (в смысле: образуют) отдельные органы, в которых совместные действия встречающихся в этих соединениях сил различных систем вызывают этот именно продукт, это именно отправление, подобно тому, как при встрече химических элементов образуются различные продукты, смотря по взаимной, часто незначительно варьирующейся, пропорции.

Тоже самое бывает и в деятельностях душевных. Психологическое исследование открывает, что каждая из богатых числом душевных деятельностей основывается на современ-

ном совместном действии основных сил, которые в каждой отдельной деятельности или все, или отчасти, всегда чередуются. Такие основные силы суть: сознание, сила познавательная, сила чувственная, сила хотения. Из способа их взаимного образования, пропорций и комбинаций происходят уже специальнейшие силы души. Но как в теле каждая система состоит опять из частей, или как существенное каждой системы является в различных формах, так точно можно указать различные направления и формы душевных сил.

Система сосудов, например, является в виде артерий, вен, волосных⁵ сосудов; система нервов, как система ощущающая, движущая, питающая, потом опять, как периферическая, как ганглиозная и как всеобщий центр нервов. Равным образом и психические основные силы являются на различных ступенях — например, сила познавательная существует в душе, как сила представлений, как рассудок и как разум. Но, как отдельный орган, сердце, например, слагается из сосудов, мускулов, клетчатой ткани и нервов, также точно опять из комбинаций основных сил в различных формах происходят дальнейшие единичные душевные способности, например, из чувства и познания — вера (или, по крайней мере, способность веры — из способностей знания и чувствования), нрав — из чувства и хотения, и т.д.

Итак, и в душе мы усматриваем совершеннейшее органическое сочленение. Теперь, так как задача естественной науки состоит в том, чтобы приводить множество к единству, многообразие к многому простому, особенные частные силы ко всеобщим и потом опять, выходя из этого всеобщего простого, рассматривать происхождение единственного и множественного, посему и психология имеет целью найти для смешанных между собой душевных деятельностей основные силы и показать, каким образом из этих сил происходят деятельности в том виде, в каком они даны в опыте. Но обработка психологии всей в таком смысле и таком объеме есть цель науки, но никак не может быть целью статьи, составляющей лишь одну часть краткого физиологического словаря. Здесь могут быть рассматриваемы только те стороны психологии, которые имеют ближайшее отношение к физиологии. Поэтому главной целью для себя мы должны положить уче-

⁵ Волосні судини — капіляри.

ние о душевных силах только по отношению их к отправлениям телесным. На этом основании мы не считаем нужным пускаться в дальнейшие, не принадлежащие сюда отделы психологии, и оставляем всякую попытку представить в какой-либо схеме сочленение душевных сил, потому что одна схема без всякого доказательства была бы банальна; а доказательства, если изложить их как следует, вполне только перешли бы границы отмеренного для нашей статьи места. Поэтому мы немного скажем в оправдание принятия нами отдельных душевных сил, хотя нам хорошо известно, как [...] наше представление с разных сторон. Опрометчивым и несоответственным с истинным характером осторожного исследования кажется нам, когда теперь хотят выводить все душевные деятельности из одной и существенной, и например чувство и стремление представлять только видоизменением или известным отношением представления. Это представляется нам похожим на то, как если бы кто начал физиологию чувства тем, что не положил никакого различия между зрением, слухом, обонянием и т.д., то при конце оказались они все не более как только поражения нерва или мозга чем-либо внешним. Можно, пожалуй, отказывать даже чувственным нервам в отдельной деятельности, все-таки нужно приписать ее соприкасающимся с ними мозговым органам, и слух никогда не будет видоизменением зрения.

Поэтому также, как ни стараются выдумать тождество между душевными деятельностями и представить чувство или волю простым мышлением, этого не достигнут, потому что я могу, пожалуй, сколько угодно мое представление относить к моему Я или к какому-нибудь движению, в результате я не получу ничего больше, как только представление, относимое к чему бы то ни было, и все еще остается неизвестным, почему бы из представления через одно лишь отнесение могло выйти что-нибудь другое, а как такое другое бесспорно навязывается сознанию чувство. Странно, впрочем, каким образом те же психологи, которые считают волю простым мышлением, принимают, однако ж, бытие особенной произвольной внимательности, которая может, если угодно, утверждать известную мысль; внимание это, очевидно, есть ничто другое, как воля. Следовательно, по теории этой, при специаль-

⁶ В рукописі нерозбірливо.

ной внимательности к известной мысли одна мысль должна бы утверждать и господствовать над другою; но таким образом само внимание (как нечто особенное от мысли) опять пропадает. Пока, впрочем, мы ограничимся этими общими замечаниями; после еще не раз будет случай возвратиться к этим вопросам; между тем мы идем дальше.

Прежде всего требуется найти точку соприкосновения, в которой психология соединена с физиологией и тем вместе установить также собственный предмет нашего исследования. Идея органической психологии, как мы поняли и изъяснили выше, будет служить нам при этом руководством. Если справедливо, что человек по душе и по телу составляет цельный организм, в котором психические и физические отправления образуют внутренне друг с другом соединенное целое, если даже эти идеи организма должны осуществлять собою единичные органы, в которых всеобщие системы и силы совместно действуют своим особым образом, то и в человеческом организме должны соединяться в одной общей деятельности не только психические основосилы с психическими, а физические с физическими, но и психические с физическими. Следовательно, он должен иметь психофизические органы.

Таковы, назовем только некоторые из них, суть: все чувства, язык, жизнь [такого] рода, где душа какими-либо из своих сил соединяется с физическими орудиями в одно целое, подобно тому, как система нервов входит в известный орган какими-либо нервами. Но так как система сосудов состоит в связи с [...] ⁷ органа только через капиллярные, а нервная система — через периферические нервы, то нужно ожидать, что и душа только одною известною сферою своих сил соприкасается с телесными органами. Я согласен, что эта аналогия сама по себе еще ничего не доказывает; но пока я хочу — от тех, которые полагают все вообще душевные силы в непосредственной связи с телесными, — помимо того, чтобы они согласились, что по крайней мере часть этих сил непосредственно соединена с органами тела; и что во всяком случае должно быть допущено ими, потому что, если можно что сказать о целом, то тем более можно сказать о части. А доказательство, что не все душевные силы состоят в непосредственной связи с физическими органами, я изложу в отделе «об остальных свойствах души». Пока я принимаю, как

⁷ В рукописі нерозбірливо.

допущение, что как бы то ни было (т.е. часть ли или все соединены), но те душевные деятельности, которым всегда и несомненно непосредственно или предшествует, или последует какая-либо деятельность телесная, и суть те самые, которые состоят в непосредственной связи и взаимодействии с физической жизнью. Душевные силы, о которых можно сказать это, не опасаясь возражений, суть: способность сознания вообще (называемого даже просто чувственным сознанием), способности представления и чувственного ощущения и начало движения, которое мы называем побуждением и стремлением. Эти-то силы мы и хотим подвергнуть исследованию, как сами в себе, так и по отношению их к телу. Как с ними покончим, тогда уже свободно можем обозревать и остальные.

В исследовании нашем касательно отношений психофизических душевных сил к телесным органам мы выходим из того взгляда, что эти отношения опосредствуются нервной системой, и потому ее-то, преимущественно, и имеем в виду; поэтому могут здесь, пожалуй, спросить нас о нашем праве на то, и желать, чтобы мы изложили здесь уже заодно, на чем вообще основывается значение нервной системы для жизни психической. Мы, однако ж, не считаем этого нужным. Именно, что касается до всеобщих доказательств, то мы можем отослать к статье Фолькмана⁸ «Мозг», где они изложены в совершенстве; только при этом мы должны прибавить, что на том же самом, что высказано в этой статье, может быть обосновано и общее психическое значение нервной системы. Сверх того в следующих отделах мы будем специально излагать эти доказательства в их приложении к отдельным частям мозга, таким образом, нарочито излагать все это было бы совершенно лишним, и только повторением одного и того ж. На одинаковых основаниях мы отлагаем до времени наши взгляды на хребтовый мозг и ганглии. Напротив того, мы должны хоть что-нибудь сказать о том взгляде, который отрицает у нервной системы значение посредства между душевными силами и органами тела, и пытается утвердить между ними некоторое непосредственное отношение. Что мышление не имеет никакого другого физического органа, кроме

⁸ Фолькман Альфред Вильгельм (1800-77) — відомий німецький фізіолог, вперше ввів метод експериментальних фізіологічних досліджень. Роботи про будову і функції нервів, мозок, нервову систему.

мозга, против этого, правда, не возражают; но по отношению к чувствованию и хотению утверждают, что душа непосредственно приводит в действие субстанцию соответственного органа, и что нервы при этом только содействуют. Однако мы не знаем (именно в организмах, где нервы ясно указаны) ни о каком психическом действии на органы, при котором бы когда-нибудь не было деятельности первых, и мы не в состоянии указать ни на один опыт, где бы психическое действие было найдено без деятельности нервной. Теперь, так как положительно доказано, что перемены в органах, бывающие вследствие душевных деятельностей, осуществлены бывают происходяще вследствие возбуждения деятельностью нервов, то не может быть ничего яснее того, что влияние души на физическую сторону человека опосредствуется только через нервную деятельность. Теперь могут, пожалуй, еще сомневаться, действует ли душа при этом только на начала нервов? Но опыты, по крайней мере, неопровержимо говорят нам, что для произведения полного своего действия нерв должен быть совершенно неповрежденным, как и тот центр, которого он — отпрыск, и он должен быть соединен с этим центром; следовательно, нет никакого основания думать, что душевное возбуждение влияет на какой-нибудь другой пункт на нервах (а не на эти источники нервов, или центр, из которого они разветвляются к периферии тела). Теперь мы начинаем свои специальнейшие исследования.

ЧУВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Сознание, как первое условие всего нашего мышления и познания, как нечто такое, что, сколько бы мы не абстрагировали, всегда бывает остатком, есть столь непостижимое, далеко не понимаемое в его внутренней природе, что мы считаем совершенно невозможным дать ему достаточное, исчерпывающее сущность его, определение. Все определения его, без исключения, или слишком тесны, или слишком широки, или вертятся в круге, полагая наперед нечто такое, что само прежде должно быть понято, и понято опять таки через сознание. Сознание есть основа и источник всей психологии, и поэтому не может быть, если кто не захочет поддаться полному обольщению, ни произведено от чего-либо другого, ни к этому дру-

гому возведено. Должно принять его как простой, в ка- дом
человеке находимый факт, как все то, что только можно де-
лать, чтобы самому уразуметь что-либо другое; поэтому обо-
значить это событие словом «сознание» — значит указывать,
собственно, те обстоятельства, под которыми оно выступает, и
приводить их к возможно простейшим отношениям. Таким
образом, мы можем сказать, что происходит сознание, или
душа что-либо сознает тогда, когда она, переходя из одного
состояния в другое, чувствует себя, как нечто постоянное, сле-
довательно, когда она различает какую-либо переменную в себе.
Следовательно, для возникновения сознания необходима пе-
ремена в душе, и поскольку душа противопоставляет себя это-
му изменившемуся своему состоянию, она сознает его. Итак
мы только описываем здесь то, что бывает при происхождении
сознания, но не можем сказать, что такое оно само в себе.

Как много может быть перемен внутренних, также
многообразно может и сознать их душа, следовательно,
различие предметов производит столько же большое различие
в способах сознания. Не смотря на то, можно привести их к
следующим (способам):

1) сознание какой-либо перемены в душе, произведенной
телом, или телесное поражение души — чувственное сознание;

2) ступенью выше стоит сознание собственной, изнутри
происходящей деятельности. Как скоро это сознание присоеди-
няется к прежнему, душа различает свое деятельное состоя-
ние от состояния пассивного. Так как на этой ступени душа
самостоятельно, по своим имманентным законам перерабаты-
вает внешние влияния и отливает их в свои формы, то все
влияющее, все содержащееся в ощущениях и представлениях
(даже если бы это было собственное ее тело) делается для нее
объектом и создается ею, как предмет; поэтому название этого
рода сознания — сознание предметное или мирознание;

3) наконец, третье, когда сознаются душевные деятельно-
сти как только такие, отрешенно от их содержания и опреде-
ляющих их внешних причин, тогда сознание называется само-
сознание. Здесь душа сознает уже себя саму, она знает уже не
просто только, что она поражается и чем она поражается, но и
то, что это она, что это душа, которая терпит эти поражения,
т.е., что это суть психических деятельностей, которые здесь
действуют. Таким образом, она различает себя здесь от тела, и
даже душевную деятельность делает, как Я, своим объектом.

Необходимо было разъяснить эти различные роды сознания, чтобы поставить в истинном свете то, что нужно разуметь под сознанием чувственным, о котором мы намерены здесь рассуждать. Это сознание разумеют, когда в обыкновенной жизни говорят о бессознательности, например, о потере сознания или обмороке. О нем вот что открывает нам опыт.

1) Ближайшая побудительная причина сознания есть телесное поражение. В чувственном сознании знается нами не самая душевная деятельность, но единственно лишь впечатления на душу со стороны физической. Потому заблуждением было бы считать необходимым для возбуждения такого сознания представление. Ибо представление (при самом восприятии) есть уже не пассивное поражение души, а свободная деятельность ее, и если представление переходит к сознанию, то это уже та сторона сознания — вторая — сознание предметное. А чувственное сознание может быть находимо и при простых ощущениях, где еще при этом нет никаких представлений. Когда какой-либо предмет зрения промелькнул пред глазами гораздо скорее, чем мы могли познать его, тогда мы хотя и сознаем, что хотя мы нечто ощутили, но представления не имеем никакого. Может даже встретиться нашим глазам и ясно видимый предмет, и мы сознавали его; а сила представления, наполненная в этот момент другими предметами, не была в состоянии воспринять его в себя; в таком случае может остаться в глазах бледный снимок с этого предмета, но все-таки мы не получили представления о самом предмете. Мы можем вследствие какого-либо внезапного звука с ужасом пробудиться от сна, но однако ж, не можем дать отчета, что такое слышали мы; мы знаем только, что мы слышали. Следовательно, чувственное сознание возможно и без представления.

2) Необходимое условие для произведения чувственного сознания — телесное поражение — не необходимо, однако ж, имеет следствием сознание. Мы касаемся здесь спорного вопроса: предполагается ли ощущением сознание или ощущение возможно и без сознания? Наш взгляд на это таков: мы знаем об ощущении постольку, поскольку наша душа поражена, и особенное происшествие в нервах и их центральном органе, служащее поводом к этому ощущению, мы можем заметить не по чему другому, как по особенной энергии их. Итак, когда

говорим об ощущении, то *implicite*⁹ выражаем то, что вместе с нервною деятельностью поражается и душа. Но другой вопрос: каждое ли ощущение должно быть сознаваемо? Опыты над движениями рефлекса¹⁰ при перерезанном или отделенном от головного мозга хребтовом мозге, хотя доказывают только, что деятельность нервов возможна без сознания, но сами по себе еще не говорят ничего про то, чтобы при этом могло быть найдено бессознательное ощущение; это самое имеет значение для тех анестезий, где прикосновение не ощущается (ощущение не приходит к сознанию), но производит конвульсивные движения. Поэтому мы должны искать других доказательств. Несомненно, что чувства наши никогда не покоятся, но находятся в непрерывной неослабной деятельности. Можно бы усомниться в этом на том основании, что деятельность сама по себе немыслима, а всегда предполагает возбуждение, но едва ли можно отвергнуть, чтобы, по крайней мере, кровь и перемена материи не производили такого (т.е. возбуждения) постоянно. Но этой непрерывной деятельности мы, пока она не подвергнется какой-либо совне перемене, не сознаем. Поэтому сознание может быть только перемена в душевной деятельности, беспрестанная разность и смена. Итак, положим, что в продолжение всей нашей жизни нас окружало сверху, снизу и со всех сторон одно только синее небо, при том и тело наше было бы так устроено, что ни одна часть его не могла попасться нам на глаза, а глаз этих мы никогда не могли бы закрывать, тогда бы никогда не сознали синего неба вообще, тогда мы вовсе не сознавали бы ощущений зрения. Отсюда объясняется тот часто слышимый факт, что мельник не слышит мельничного шума, но сразу же замечает, как останавливается мельница. То есть для мельника поражение слуха звуком мельницы столько же привычно, как для нас — неслышание его. Поэтому будет одинаковою переменою: он ли не будет больше слышать мельницы, или мы, подходя к ней в первый раз, услышим ее; в том и другом случае сознается перемена в деятельности слухового нерва. Теперь, что стук мельницы действительно производит ощущение у мельника, а не просто поражает слуховой нерв, видно из следующего. Мы уже видели, что сознано может быть только то, что уже есть ощущение, что уже

⁹ Неявно.

¹⁰ Рефлексивными движениями [примітка П. Юркевича на полях рукопису].

произвело некоторое впечатление на душу, далее, что сознание бывает возможно только там, где происходит перемена, где одно за другим следуют два ощущения. В минуту остановки мельницы мельник сознает не только остановку эту, но и предшествовавший ей шум. Поэтому ощущение будет здесь такого рода душевной деятельностью, которая условленна не только остановкою, но и прежде еще стуком мельницы. Уличный шум в больших пределах сначала беспокоит нас во время сна, но мало по малу мы привыкаем к нему. Но хоть и не слышит привыкший к тому значительной уличной суматохи, он, однако ж, может хорошо слышать, как скребет мышь в комнате. Очевидно, главное дело здесь не поражение слухового нерва последним звуком, потому что уличная суматоха поражает его гораздо сильнее, и тогда было бы непонятно, отчего мы уже давно не слышим ее; но главное здесь, без сомнения, непривычка, перемена в ощущениях, которая и дает повод сознать мышь в комнате — это же вместе с тем доказывает, что уличная суматоха уже должна была производить в нас ощущение, хотя оно и не было сознаваемо. Подобно тому, мы, когда едем в экипаже, можем спать, но сразу же пробуждаемся, как только экипаж остановится. Так точно в сущности бывает и со всеми нашими ощущениями; в продолжение всей нашей жизни мы имеем ощущения от всех наших нервов, — но пока они продолжают сообщаться одинаковым образом, они не сознаются нами; только тогда начинаем сознавать их, когда в них произойдет какая-либо перемена. Это, собственно, служит главным основанием тому достопримечательному явлению, что мы ощущали в первый раз наши многие органы только тогда, когда они сделаются больны. Похоже на это ощущение голода; мы не чувствуем нашего желудка в обыкновенном его состоянии, но только в необыкновенном (или болезни, или голода, или пресыщения). Но на этом основании нельзя думать, будто желудочные нервы при обыкновенной пищеварительной деятельности не могут сообщать никакого ощущения; наоборот, именно потому и долженствовало быть ощущение прежде этих необыкновенных состояний, так как человек не иначе может сознавать какое-либо ощущение, как отличая его от другого.

3) Бессознательность. Случайное отсутствие сознания, а еще более постоянная наклонность к состоянию бессознательному есть весьма важный для медицины пункт в учении о сознании. Отсутствие сознания у индивидуума может быть или

частное, или общее. Частное — то, когда не создается это или другое из мира внешнего, хотя для всего прочего способность сознания остается, как, например, при анестезии единичных органов — нервов — где она может совпадать с потерей способности ощущения. Далее, во всех тех случаях, когда мы слишком углублены в себя, т.е. сознание уже исполнено множеством внутренних образов, мы не в состоянии внутрь (*inner werden*) ни слишком сильно, ни даже слабо действующих новых поражений. Всеобщая бессознательность, которую мы впоследствии будем называть просто бессознательностью, может происходить вследствие различных причин, лежащих или во внешнем мире, или в нервных органах, или в душе неделимого. Внешний мир может производить бессознательность только положительным влиянием, потому что бессознательность, которая всякий раз происходила вследствие одного лишь отсутствия влияний внешних, немыслима, так как человек подвергается этому отрицательному действию внешнего мира непрерывно в течение всей своей жизни. Если же внешний мир может производить бессознательность только положительным качественным или количественным влиянием, то она все-таки не иначе может происходить, как через нервные органы, или посредственно, или непосредственно от самой души. Таким образом, нам остается рассмотреть только эти два случая. Впрочем, в избежании повторений, мы только слегка коснемся многого такого, что в других отделах будет высказано вполне.

Психические причины бессознательного суть многие движения духа, как приятные, так и неприятные (особенно страх), потом, пожалуй, экстаз, о котором, впрочем, еще можно сомневаться, общую или только частную производит он бессознательность, как о тех, так и об этом последнем подробно будет сказано в своем месте.

Многочисленные физические моменты, производящие потерю сознания. Здесь, прежде всего, приключается головокружение, потому что оно может быть вследствие и представлений, и физических болезней мозга. Головокружение на самой высшей своей степени всегда оканчивается бессознательностью и, собственно, есть только предшествующий симптом различных душевных состояний, о котором мы будем говорить еще раз в последнем отделе при симпатических душевных расстройствах.

Самая обыкновенная причина бессознательности — сон. Как как мы будем говорить о нем в отделе о ночной жизни души, то здесь достаточно следующего: во сне еще нет полного отсутствия сознания; по крайней мере в обыкновенном здоровом сне оно не так значительно, как в болезненных состояниях мозга, и смотря по тому, глубок ли сон или чуток, и сознание возвращается легче или труднее. Тогда как в болезнях мозга, пока они продолжаются в одинаковой силе, свет сознания совершенно угашен, во сне обыкновенном он бывает только *in minimo*¹¹, которое, в свою очередь, может иметь разные степени. Равным образом и нервы во сне не находятся в совершенном бездействии, но только деятельность их в это время падает до того *minimum* их первоначальной субъективной деятельности, которой мы не сознаем, потому что она бывает уже при самом нашем рождении. Следовательно, во сне мы не сознаем никаких ощущений именно потому, что состояние души и нервных органов в это время не допускает никакой перемены, никакого преемства ощущений. Но бывает ли вообще, даже без отношения к ощущениям, бывает ли во сне пред какою-либо сменой в них (т.е. ощущениях) способность к возникновению сознания, этого никаким образом нельзя узнать, так как посредством опыта мы можем знать только о действительном возникновении сознания, а сознание это начинается только современно той перемене. Когда сон произошел вследствие болезненных состояний, тогда бессознательность, обыкновенно, бывает гораздо глубже, за исключением лунатизма, о чем больше будет говорено, когда коснемся сновидений. Сознание иногда теряется еще от чрезмерного раздражения какого-либо чувственного нерва; дело здесь, натурально, зависит от того, сильнее или слабее у индивидуума устройство мозга и нервов.

Сильные и внезапные впечатления света и звука, ощущения обоняния и осязания (только со вкусом не бывает ничего такого) производят чрезвычайное раздражение и вследствие того мгновенное окаменение того мозгового органа, который имеет ближайшее отношение к сознанию. Хотя полагают, что касательно этого (т.е. потери сознания за сильным поражением нерва) нервы ощущения не стоят в таком близком отношении к сознанию, как нервы чувства. Полагают на том основании,

¹¹ Минимально.

что жесточайшие невралгии первых, например, боль глазная, не действуют на сознание, тогда как при невралгиях последних это бывает: но, во-первых, бывают, бесспорно, случаи, когда при невралгии ощущения производят обмороки, и хирурги часто рассказывают о бессознательности, которая бывает при операциях, хотя бы они не были соединены даже с потерей крови — вследствие единственно непрерывной боли. Во-вторых, невралгия высших нервов чувства гораздо чаще бывает центрального свойства, нежели невралгии нервов ощущения, так что в основании их лежит большею частью уже некоторая ненормальность в отправлениях самого мозга, как например болезненный сон, идиопатические спячки, обморок, эпилепсия (родимец, падачая болезнь с конвульсиями), сотрясение мозга, переполнение его кровью, равно как и внезапный отлив ее оттуда, — которые — все вообще — производят онемение в мозговых нитях, вследствие чего делается уже невозможным ощущение и соединенное с ним чувственное сознание. Предметы, которые внезапно давят на мозг, как например, посторонние тела и кровоизлияния, по большей части производят беспамятство, но головная боль, т.е. сознание, возвращается тотчас же, как только эти причины будут удалены. Если же давление усиливалось мало-помалу, так что мозг мог привыкнуть к нему, тогда и при давлении может сохраняться сознание. Если нарост толстой мозговой плевы, прошедший сквозь черепные кости, давит назад в черепную полость, то ощущается головная боль, а за нею последует беспамятство.

4) Теперь, что касается до ближайших отношений сознания к какому-нибудь материальному органу, то их чрезвычайно трудно определить, так что все, что только я осмеливаюсь сказать здесь об этом, до тех пор, пока будущее не уяснит более этого предмета, не за другое выдаю, как за гипотезу, которая мне кажется только самою вероятною из всех возможных здесь гипотез. Довольно уже и того, что она более объясняет, чем другие, и с нею открываются новые виды размышлению и исследованию. Доселе приведенные факты неоспоримо доказывают, что сознание происходит в мозгу. Но ощущения, представления, чувства также бывают посредством мозга; однако же мнение, будто бы сознание должно занимать одно и то же место с представлением, потому что сознание есть только наше живое, яркое представление, — это мнение несостоятельно уже потому, что сознание возможно и без представления. Между тем, сколько извест-

но, раздражения периферических нервов не сознаются, если уничтожена связь нервов с мозгом. Из наших недавних исследований очевидно, что ощущение возможно и без сознания, отсюда следует, что ощущение должно быть и тогда, когда уничтожена связь mit fraglichem centrumim Gehirn¹², следовательно, оно возможно и в хребтовом мозгу под надрезом, так как единственное возражение, какое до сих пор делали против ощущения в хребтовом мозгу, только то, что ощущение это не было сознаваемо, хотя, впрочем, нет никакого основания отказывать ему — при его более или менее признаваемой самостоятельности — в непосредственной связи с душою, о чем позднее будет сказано более. Теперь рождается вопрос, каким образом возможны такие переменные ощущения — даже без связи со всеобщим средоточным пунктом, помимо сознания их душой? Хотя мы и полагаем перемену в ощущениях необходимым условием к возникновению сознания, это условие никак не единственное: если душа запросто должна подвергаться переменам состояний и замечать смену их, то она необходимо должна чувствовать себя при этом как нечто постоянное, пребывающее, в частности по отношению к чувственному сознанию, в организме, и по отношению к многообразным его поражениям она должна чувствовать себя и находить себя пребывающим единством. Одним только многообразием ощущений это не могло бы быть произведено, если бы в душе не было противоположного ему чувства единства, которое в свою очередь само по себе, конечно, не составит сознания, но вызывает его, противопоставляя многообразию. Но так как немислимо, чтобы душа сама через себя получила повод к ощущению единства, то причина его должна лежать в организме. Теперь, поскольку опыт свидетельствует, что сознание возможно только через мозговой центр, то собственное отправление, деятельность этого мозгового центра будет состоять в том, чтобы непрерывно поддерживать и возбуждать в душе ощущение единства. Постольку далее душа может ощущать единство, противопоставляя себя организму, поскольку он имеет различные части, то ощущение этого единства может происходить вследствие совокупного влияния всех частей мозга на орган — мозговой центр — которое бывает в опыте посредством нервов. Беспредельно во всю жизнь деятельные нервы не только непрерывно возбуждают, как мы видели, специальные ощуше-

¹² 3 сумнівним центром у головному мозку.

ния, но и в то же время, действуя на их средоточный пункт, производят особую энергию — ощущение единства, посредством которого единичные части, отрешенно от их специальных ощущений, ощущаются как принадлежность единого целого. Но, относясь ко всем частям, это ощущение не создается до тех пор, пока бывает одно только современное совместное действие нервов и нет никакого чередования, никакой смены состояний. Но лишь только происходит перемена в отдельных нервах и они изменяют соответствующее им единичное ощущение, лишь только вместо прежнего взаимодействия случается преемство — тотчас же душа сознает и ощущение своего единства и эти ощущения единичных нервов.

Теперь мы должны найти тот орган, который бы служил этим физическим потребностям, в котором, следовательно, сходятся не только все нервы организма, но и все центральные нервные органы. Мы не имеем надобности здесь подробно доказывать, что до сих пор этого пока еще не нашли, а только нашли один и единственный осязательный орган мозга, с которым все прочие несомненно входят в одинаковое непосредственное соприкосновение, и онемение или разрушение которого всегда и всякий раз сопровождалось бы совершенной бессознательностью. Единственное место в мозгу, к которому, бесспорно, примыкают все органы мозга, разветвляющиеся на нервы, суть мозговые полости, на которые мы, так как они соединяются друг с другом, по справедливости можем смотреть как на одну-единственную полость. Мы оставляем нерешенным, что наполняет, или что служит содержанием ее, в жизни физической: серозная ли жидкость (сукровица, патока, водянистая кровь), или другое какое вещество, и удовольствуемся, чтобы не отнять слишком много места для нашей гипотезы, тем, что приведем только главнейшие факты, которые делают очень вероятным, что мозговая полость есть именно тот самый орган, который находится в ближайшем отношении к сознанию. Посторонние тела, опухоли, кровь могут быть в мозгу, не производя бессознательности; здесь, конечно, часто выигрывает привычка, но не всегда. Поскольку посторонние тела могут быть в мозгу пропорционально-короткое время, чтобы при этом оставалось, однако, сознание — потеряно было при первом натиске их, вследствие соединенного с ними потрясения мозга, и так как при опухолях в мозгу, возрастающих постепенно, всегда настает тот пункт времени, когда вдруг теря-

ется сознание, когда, следовательно, нам не помогает и закон привычки, если только будет затронута субстанция мозга. Бессознательность бывает во всех таких случаях, когда гнетущие мозг тела так распространяются и принимают такое положение, что давят на средоточный пункт мозга — на мозговые полости. Даже и тот случай, когда бы сознание при дальнейшей удержке этого положения, при дальнейшем распространении могло бы быть каким-нибудь случайным образом восстановлено, — и этот случай ничего бы не сказал против нашего положения, но только доказал бы, что и мозговая полость может привыкать к давлению. Мы, однако ж, очень сомневаемся, пробудится ли опять когда-нибудь при таких обстоятельствах человек от своего глубокого сна. Доказывают наше положение и кровотечения мозга. Если кровоизлияние бывает в самую мозговую полость или в основание мозга, следовательно в непосредственно близкое к ней место, тогда бессознательность всегда совершенная, и во всех тех случаях, ежели после удара еще сохранилось сознание, мы имеем право заключить, что это излитие не достигло еще мозговой полости. Экстравазат¹³, помещающийся на составных частях мозга, или в них самих, может, правда, причинить бессознательность, но только тогда, когда она так значительна, или так расположилась, что посредственно через мозговую субстанцию сможет производить давление на мозговую полость, тогда как излияние в саму эту полость будет иметь такое же действие и при гораздо меньших количествах. Могут быть и такие случаи бессознательности, когда экстравазата мало в лоскутьях мозга, но при этом бывает переполнение мозга кровью; здесь сознание просто лишь потому, что угнетением мозговых нитей прерывается всякое отношение к органу сознания. Дальше, во всех тех болезнях, которые оканчиваются разлитием воды в мозговой полости, можно считать начало глубокого сна с того времени, как началось это разлитие, и наоборот. Правда, бывает спячка и без разлития воды; вода может разливаться в другие места мозга и причинять спячку; даже бывают такие случаи, когда вода находится в одной или двух мозговых полостях, и однако ж спячка не наступает до самой смерти. Но первый из трех случаев, натурально, не против нас уже потому, что разлитие мозга есть только один вид повреждения мозговых полостей. При втором

¹³ Экстравазат — внутрішня кровотеча, кров'яна пухлина, гематома.

тем не менее могут быть сдавлены и мозговые полости. Что касается до третьего рода случаев, то для каждого органа бывают такие чрезвычайные патологические исключения, что он несмотря на величайшие повреждения, все еще продолжает свои отправления, если и не захотел бы кто предположить еще, что вода, может быть, эксудировалась только что в акт смерти. Но нет ни одного такого случая, когда бы все мозговые полости наполнены были водою, а сознание при всем том сохранялось. У кретинизма и от природы слабоумных бывают многообразные уклонения в строении мозговых полостей. Они бывают или слишком велики, или слишком малы, последнее случается гораздо чаще, и эта малость есть, однако ж, простое следствие непомерной величины окружающих образований, из которых иные, большей частью, задержаны в развитии. Сонливость, бесчувственность, трудное восприятие внешних впечатлений суть характеристические симптомы всех высших степеней кретинизма и идиотизма, симптомы, которые происходят от чего-либо другого, нежели от несовершенных представлений, которые не основываются на одной только тупости чувств, потому что, как известно, и при такой тупости может быть острое видение и слышание. Можно, пожалуй, различать беспамятство, лишение всех чувств и бессознательность; и только слово «беспамятство» означает преимущественно такую бессознательность, которая произошла вследствие вонне действующих причин. Все же из такого различения выйдет только то, что бессознательность может происходить различным образом, с чем мы вполне соглашаемся. Мы уже выше перечислили различные прочие причины и для объяснения прибавляем здесь только следующее. Правда, могут быть причины бессознательности и такие, которые не прямо касаются мозговой полости, но только гнетут самую мозговую субстанцию и препятствуют ее деятельности, каковы, например, переполнение сосудов кровью, внезапный отлив всей крови, потрясение мозга. Но это, однако ж, не доказывает, чтобы бессознательность произошла непосредственно от мозговой субстанции, а только то доказывает, что при этом онемели мозговая и нервная нити, вследствие чего стало прервано и уничтожено отправление всех нервных поражений к органу сознания. Следовательно, бессознательность здесь случилась только потому, что невозможно сделалось ощущение. Но как объяснить ту бессознательность, которая происходит от невралгий и внезапных, слишком силь-

ных потрясений чувств? Очевидно, что здесь онемение должно касаться особенного органа, который служит для всех прочих нервов посредством к возникновению сознания, который для всех есть центр, и этот орган — мозговая полость¹⁴.

Мы не опасаемся, что нам в наше время возразят, что мозговая полость ни к чему другому не служит, как только к тому, по большей мере, чтобы держать друг возле друга два полушария мозга и оберегать их от сращения, как будто бы они, несмотря на полость, не могли срастись! Утробная перепонка, грудобрюшная преграда могут доставлять такую выгоду для соприкасающихся с ними полостей; но им соответствует разве мозговая полость, а не гораздо ли более головная полость? Где какой-либо другой орган тела так подается в самого себя от других, что его окружает полость, которая не имеет другой цели, как только чтобы сделать орган полым? Сравнительная анатомия, конечно, не показывает у позвоночных животных никакого другого полостного устройства (поры, помещения) нервных центральных органов; но эти нервные центральные органы у беспозвоночных животных так отличаются от органов позвоночных, что та же самая цель достигается здесь, может быть, совершенно другими средствами (цель — сосредоточение нервных органов). А о самой душевной жизни насекомых знаем ли мы настолько, чтобы с определенностью утверждать, что они сознают свои ощущения, и что их инстинктивные действия предполагают сознание? (Этим предупреждается вопрос: как же, если нет у них полостного центрального органа сознания, они сознают свои ощущения и на чем основаны их инстинкты?)

О вероятном содержании мозговой полости мы не намерены слишком много распространяться, но во всяком случае оно должно быть нечто пространственное, физическое. Если наша гипотеза справедлива, то наш взгляд установлен таким образом. Периферические нервы непрерывно возбуждают как мозговые органы и хребтовый мозг, так и содержание (вещество) мозговой полости. В тех (т.е. органах нервной системы и хребтовом мозгу) производят они различные каждому нерву свойственные ощущения, в этой (т.е. мозговой полости) ощу-

¹⁴ Я думаю, что в натуре души ощущения непрерывны, без пробелов, потому что это требуется общим понятием о существующем, а доказывается постоянным душенстроением, без которого душа не бывает ни минуты [примітка П.Юркевича на полях рукопису].

шение единства души. Пока каждый единичный нерв однообразно и совершенно совместно с другими совершает свои отправления, до тех пор нет ничего другого, как только ощущение единства по отношению ко всем нервам, т.е. по отношению к целому организму. Но как скоро впоследствии какая-либо перемена в нервной деятельности, смена ощущений, тут из этих ощущений и ощущения единства рождается сознание¹⁵. Поэтому, если после перерыва связи нервов с мозговою полостью не создается никакого ощущения, то в основании этого, несомненно, лежит то, что душа с этой стороны не имеет уже ощущения единства, и та часть, от которой идет нерв, для нее уже больше не существует, почему она и не может сознать уже ощущений оттуда.

СПОСОБНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Как только душа возбудилась к деятельности посредством чувственного сознания, в ней является некоторая внутренняя потребность — обратить внешний поражающий предмет в свою, так сказать, собственность, то есть преобразовать первоначальное и только всеобщее впечатление в представление. Следовательно, представление есть уже нечто психическое, и мы должны потому резко отличать этот акт душевной жизни от другого, который обыкновенно соединен с ним, но принадлежит еще физической стороне человека, именно от того, что некоторые называют внутренним ощущением, но что лучше обозначить словами «образ предмета в мозгу» (Hirn-bilder). То есть, каждое раздражение периферических нервов чувства должно вызывать деятельность той части мозга головного и хребтового, которой принадлежит нерв. Так как мы указываем здесь на хребтовый мозг, то должны сразу же заметить, что, по нашему мнению, он есть не только тот путь, по которому проходят нервы, но решительно представляется нам центром, в котором происходит нечто совершенно самостоятельное от мозга черепного, и который потому может и должен иметь особенные впечатления от своих периферических нервов, причем никак не нужно различать два ряда нитей ощущения, из которых бы один шел к мозгу череп-

¹⁵ Сознание, что душа при этой перемене остается та же [примітка П.Юркевича на полях рукопису].

тому, а другие оставались в спинном мозгу, так что первым будто бы принадлежит только происхождение сознательных ощущений, а вторым — происхождение рефлексивных движений. Как нет никакого достаточного основания к тому, чтобы эти движения мускулов, если они так называемые рефлексивные, свершались посредством другой какой нити, нежели как если бы они произошли произвольно, точно так же это маловероятно и по отношению к ощущениям.

Вместо таких натянутых гипотез, которые анатомически ничем не могут быть оправданы, гораздо проще принять, что чувственные нити на своем пути через спинной мозг вступают в такое или другое ощущение с имманентными нитями и ганглиозными шарами этого мозга, и, находясь с ними в этом отношении, могут на них действовать. Как бы то ни было, но должно признать, что спинной мозг так же, как и черепной, получает впечатления от нервов ощущения и потом действует своим особенным образом. Для этой деятельности черепного и спинного мозга чрезвычайно трудно подобрать точное выражение, потому что слово «ощущение» означает собственно пережитое состояние души, которое произошло вследствие этой деятельности. Касательно чувства зрения, то, что происходит в мозговом органе непосредственно за зрением, называется «отображением» (Nach-bild); потому и вообще действие, произведенное в мозгу деятельностью зрительных нервов, можно назвать тоже «образом» (Bild). Хотя под образом-то собственно разумеется уже сделанное, плод деятельности, но в мозгу деятельность и результат совпадают, его продукт есть его деятельность, и деятельность его есть его продукт. Поэтому название «изображение» в мозгу может быть принято тождественным с тем производным, которое следует за деятельностью мозга. Конечно, мы таким образом имеем только одно слово для предмета, но мы и не хотели ничего другого, потому что мы считаем ненужным, по крайней мере теперь, всякое исследование о том, как собственно в этом случае действует мозг, и как должно представлять себе эту деятельность.

Теперь на том же самом основании, на каком язык заимствует из представлений чувства зрения многие из своих терминов, мы имеем право слово «образ» предмета перенести и на другие чувства, впечатления (на мозг), происходящие от чувств — слуха, обоняния, вкуса и осязания — и отправления, ними возбужденные, имеем право обозначить таким

словом — «изображение в мозгу» — не опасаясь при этом остаться непонятыми. При этом мы должны прибавить еще только то, что под этим выражением мы, ради краткости, всегда будем разуметь вместе и те внутренние образы ощущения (чувствования), которые происходят в спинном мозгу.

Мозговые изображения надо разделять на рождающиеся вовне и изнутри. Первые происходят вследствие внешних впечатлений. Они бывают одновременно с этими впечатлениями, отчасти продолжают свое существование еще некоторое время после того, как внешнее возбуждение перестало действовать, и в таком случае называются «отообразами». Эти отообразы бывают не просто лишь в нервах, потому что, хотя они продолжают свое существование лишь несколько терций, но столько же долго и ощущаются, следовательно, необходимо должны находиться и в мозгу. Образы, изнутри рожденные, происходят просто лишь через воспоминание и бывают слабее, чем первые. Так как самые эксцентричные чувственные ощущения сюда не относятся, но в сущности принадлежат к рожденным вовне (образам), потому что то раздражение, которое бывает причиной их, влияет на нерв все равно на каком пункте, и для соответствующего органа поражения все-таки есть внешнее, будет ли соприкасающаяся нервная нить возбуждена при центральном или при периферическом своем конце. Различие между внешними и внутренними изображениями можно наглядно представить в следующем примере. Если, например, пристально взглянуть на розу и потом быстро закрыть глаза с твердым намерением в продолжение мгновения ни о чем не думать, то и при закрытых глазах все еще около полсекунды будет перед глазами носиться образ розы в совершенно одинаковой силе и раздельности, потом вдруг исчезнет, и поле зрения покроется мраком. Но если при этом иметь мысль, если нарочито захотеть представлять себе опять розу по закрытии глаз, тогда выйдет нечто совершенно другое, предстанет перед нами гораздо слабейший, тусклый, неопределеннейший образ, но этот образ мы можем удерживать уже столько времени, сколько захотим. Еще яснее, может быть, выступает различие между этими двоякого рода образами в таком опыте. Нужно посмотреть на что-нибудь, на дом, например, потом закрыть глаза и стать сильно тереть их до тех пор, пока не родятся субъективные ощущения, но все это время беспрестанно представлять себе внутренним образом дом. Здесь ясно созна-

ется различие между образом этого последнего, т.е. дома, внутренне представляемого, и происшедшими, вследствие первого, лучами, цветами — различие в отношении живости и определенности. Что призрачные образы относятся к образам внешним — это само собою разумеется. По отношению к прочим чувствам бывает то же самое. Те же самые образы могут происходить в центральном органе и вовне и внутри, только с различной силою (можно слышать тоны и вне и внутри и т.д.), но здесь не так легко сделать любой опыт, потому что здесь мы не так скоро можем отрешиться, когда захотим, от внешнего возбуждения. Впрочем, и без того довольно часто можно иметь в жизни возможность случайным образом делать такие наблюдения над собою.

Теперь мы можем идти далее, к самому представлению. С представлением мы вступаем в область психическую. Здесь уже нет никакого образа, представление также нельзя видеть, как понятие или идею. Оно — динамический, невидимый знак души. Это лучше всего видно из тех случаев, в которых действительный предмет воззрения и представление, отсюда родившееся, бывают различны. Например, мы видим в каком-нибудь облаке собаку. Собака эта во всяком случае больше чем ощущение, потому что ощущение это сообщает нам только впечатление серого цвета в известном протяжении. Но вместе с тем она, однако ж, никак не понятие и не идея разума, поэтому не может быть ничем другим, как только представлением. Мы представляем себе облако как собаку, мы отливаем, то есть, во внутреннюю форму собачьего образа. Такой всеобщий образ мы должны, поэтому, уже содержать в себе. Он не лежит еще в ощущении, но только лишь самодеятельно нами придумывается (при чем ничто в материальном (существенном) облаке не изменяется); поэтому он состоит ни в чем другом, как в известном действии души. Душа уже должна была, по крайней мере однажды, образовать этот образ, внутренне нарисовать его, очертить пространство таким именно определенным образом, чтобы иметь возможность возобновить такую свою деятельность в этом случае. Она должна уже была совершить все это хотя и однажды, тогда как имела образ от ощущения действительной собаки. Но то же самое имеет все свое значение и по отношению к усмотрению всякой действительной собаки, поскольку мы представляем ее как собаку. Я всегда бываю прикладывать мой внутренний абрис, мою внутреннюю схему к каждому отдельному обра-

зу, происходящему вследствие ощущения. И таким образом мы всегда, наконец, возвращаемся к произведению той первоначальной схемы, которая лежит в основе всех позднейших представлений. Представление первой видимой собаки сообщает ребенку схему для всех подобных воззрений, таким образом уже в этом первоначальном представлении душа должна упражняться в той отличной от ощущения деятельности, которую она так часто повторяет после того¹⁶. Поэтому в ней самой, т.е. в душе, должно быть нечто такое, что существует еще прежде всякого ощущения, и эта первоначальная деятельность ее в представленном нами примере есть ничто иное, как внутреннее очертание, ограничение пространства. Пространство есть а priori данная форма чувственного воззрения, форма, в которой, взятой самой в себе, не может быть ограниченности, потому что пространство бесконечно. Но, поскольку она переносится на ощущение, которое само в себе есть уже ограниченное и конечное, она может являться ни чем иным, как ограничением, определением пространства. В силу некоторой предустановленной гармонии, от которой мы не можем отрешиться при объяснении психофизических событий, ощущение определяет душу употреблять таким определенным образом имманентную ей деятельность пространственного ограничения. Таким образом, каждое представление, поскольку оно относится к фигуре и протяжению, есть только особенный вид пространство ограничивающей деятельности души, и различия предметов по тем отношениям суть ни что иное, как только сознание различия этих видов деятельности. Но фигура и протяжение еще не составляют полного целостного представления видимого (мы говорим здесь прежде только о видимом), но для этого необходимы также цвет и ясное или слабое освещение. Поэтому на подобных же основаниях, как относительно пространства, так же точно и по отношению к представлению цветов и т.п., мы должны признать за душою некоторую первоначальную деятельность. Хотя Кант и не признал этого данным а priori, говоря, что можно отвлечься от всего содержания ощущения, следовательно и от цвета, а пространство и фигура все еще будут оставаться, но, во-первых, никогда нельзя вполне выбросить из мысли при представлении цвет, одинаковым же образом можно наоборот отрешиться от протяжения и

¹⁶ Мы не говорим, что мы ощущаем церковь, небо, ощущаем музыку, но видим, слышим [примітка П.Юркевича на полях рукопису].

фигуры, удержав только представление цвета. Когда я вижу четырехугольное поле ржи, тогда я могу, отрешаясь от всего прочего, мыслить его только как четырехугольное, но я могу также и отрешиться от фигуры и представлять его как желтое. Если бы не было у нас заранее светового качества, мы никогда не могли бы достигнуть того, чтобы представить что-либо светящее, цветное: свет находится не в одних только нервах, поскольку и из субъективных ощущений образуем мы представления, следовательно, нечто от тех различное. Так же, как говорят: «Если бы не был глаз световидным» — мы должны сказать: «Если бы не была световидной душа, то каким образом мы могли бы увидеть свет?» Качество света, следовательно, имманентно нашей душе, но подобно тому, как формой пространства мы пользуемся тогда только, когда определяем его, — подобно тому, как в опыте нам встречается только фигура и протяжение, между тем как к понятию пространства мы приходим в первый раз уже гораздо позднее путем размышления, — так же точно и внутренняя схема света прилагается нами только к ощущению через ограничения в качествах цветов и различных степенях их, в их ясности или смешанности. Предмет бесцветный не существует для нашего представления видимого. Пока мы сквозь совершенно ясное и чистое стекло видим вполне какой-либо цветной предмет, находящийся за этим стеклом, например, картину, для нас стекло не существует, так что мы можем даже обмануться и подумать, что смотрим непосредственно на картину. Мы тогда только увидим стекло, когда примем другое положение по отношению к нему, где оно представит нам блестящие белые, синие, зеленые поверхности, сквозь которые мы уже не можем более видеть части картины. То же самое бывает и с водой. Если бы кто не поверил этому, то мы могли бы видеть ясный свет и без цвета, но это невозможно, мы не можем видеть свет, как только цветным, и то, что обыкновенно называется просто светом, есть не что иное, как интенсивный белоцветной свет (т.е. ощущение семи интенсивных цветов). Вообще в опыте мы знаем не о каком-либо свете самом вне нас, но только о светлых сияющих предметах. Когда призмой раздробленный солнечный луч дает семицветный спектр, это значит только то, что один и тот же солнечный луч в одном случае светит как белый, а при других условиях, как красный, синий и т.д. Здесь разлагается, раздробляется, видоизменяется (или как угодно назовите это) не абсолютный свет, а светящий солнечный луч. Мы можем находить,

что предметы, которым мы приписываем свойство светить, совершают в то время всякого рода физические и психические отправления, мы можем указать на те обстоятельства, подвести под те законы, при которых они усматриваются нами так или иначе светящими: но световое качество они всегда имеют только для нас и только в нас бывает видение света и цвета. Так, никогда не достижимо представление пространства вне нас существующего, пространства самого в себе, потому что мы не иначе можем представлять, как в форме пространства; так же точно никогда нельзя представить, что такое свет сам в себе вне нас, потому что мы не иначе можем видеть, как только в качестве света. Теперь могут, пожалуй, сказать, что это самосвещение есть дело нервов; однако мы об этой специфической деятельности нервов знаем настолько, насколько поражается наша душа. Но она не просто поражается, но именно таким определенным образом. Следовательно, она необходимо должна сама в себе иметь свойство или качество свето-ощущения и свето-представления. Итак, представление видения¹⁷ есть приложение лежащих в нас первоначальных форм и первоначальных качеств чувственного воззрения к ощущению зрения. Мы сами есть те, кто образуют представления. Здесь не просто нечто нам представляется, но когда мы представляем нечто, будучи возбуждены посредством ощущения, здесь — творческая сила души, которая в этом случае действует. Поэтому представления не суть мертвые, ввне напечатанные на душе образы, но воздействие души из источников собственных, первоначальных сил. Фигура, протяжение, цвет суть прирожденные душе схемы представления, посредством которых становятся возможными действительные представления видения. Но поэтому они должны достичь реальности для нашего сознания, должны быть употреблены душою, положены в деятельности, а это не иначе может случиться, как только при материале ощущения.

Каждое целостное, совершенное представление видения есть соединение представления цветов с представлением фигуры и протяжения, и, следовательно, при таком соединении мы действуем многообразным образом. Но один из существенных признаков этого соединения — тот признак, который особенно характеризует его как акт психический, — то, что мы можем

¹⁷ Это воззрение, поскольку оно отлично от ощущения [примітка П.Юркевича на полях рукопису].

опустить какой угодно из составных элементов всего представления, величину, фигуру, цвет или ясность, или некоторые, и можем образовать только один или некоторые. Когда я, отрезаясь, как только можно, от прочих частей представления, довольствуюсь только одним-единственным, причем удерживаю в мысли, что эта часть — только одна часть того или иного представления, тогда я представляю себе соответствующий предмет под схемою этой части или стороны представления. Когда я, например, думаю о лесе, и, отвлекаясь от иных свойств, представляю себе его зеленым, тогда я представляю под схемою зеленого цвета. Таким образом, разнообразнейшие цвета, величины, фигуры могут стать эмпирическими схемами, под которыми я представляю предметы. Поскольку множество предметов может быть представлено под одною и тою же схемою, постольку эти предметы похожи друг на друга. Поэтому сходство предметов основывается на том, что при всем различии целостных представлений о них, деятельность представляющая тождественна в отношении к отдельным частям этих представлений. Возвратимся к началу нашего исследования и возьмем приведенный нами там пример облака, которое я представляю себе как собаку. В этих случаях я смотрю лишь просто на фигуру облака, потому я мыслю его только под определенной схемою фигуры, которую внутренне нарисовал. Но моя деятельность в таком случае будет почти та же самая, как если бы я представлял действительную собаку, но только в самом общем содержании ее фигуры, в результате выходит сходство предметов.

До сих пор мы объясняли силу представления только в фактах чувства зрения, потому что в них она более всего может быть понятна. Но то же самое бывает и при прочих чувствах. Поэтому мы коротко укажем на последнее. Звуки и тоны суть основные схемы представлений от слуха, также точно как пространство и свет — представлений видения. Звук соответствует форме, а его сила — протяжению, тоны соответствуют цветам. Указывая на внешние волны звука, на сотрясение струн, на фигуры звука, говорят, что слуховой нерв поражается звуковыми волнами, но при всем этом мы все еще не имеем пока ни звука — он в нас, в нашей душе. И прямо по отношению к слышанию это еще не доказывается тем, что гармония тонов и мелодий никогда не встречается в безжизненной природе, но что они должны быть постоянно

образуемы искусственно. Равным образом запах и вкус есть ни что другое, как приложение содержащихся в душе свойств обоняния и вкуса к особенным такого рода ощущениям. Что душа обоняет и вкушает, может только тому показаться странным, кто смотрит на дело с таким дивным предрассудком, что для него запахи и вкусы кажутся чем-то пошлым, недостойным высокородной души. Но когда ничего подобного нельзя ждать и нельзя требовать от души, тогда нужно заранее смело бросить всякое [...] ¹⁸ в психологии, потому что тогда мы уже на ложной дороге, на которой никогда ничего удовлетворительного не можем найти, на которой душа представляется нам отвлеченною силою мысли. Наконец, что касается представлений осязания, то, вероятно, их основа — схемы тепла, холода, упругости, податливости, из комбинаций которых происходят многочисленные единичные сложные представления осязания: представления давления, жесткости и мягкости, шероховатости и проч. Но в подробное рассмотрение всего этого здесь мы не можем пускаться.

Итак, вот то, что мы должны были сказать в общих чертах о представлении. Теперь, хоть мы и различаем представления от простой деятельности мозга, и непосредственно из него рождающегося ощущения, но в действительности они не разделены. Никакое совершенное представление невозможно без ощущения и только при ощущении, внутреннем или внешнем, образуется представление. Представление хоть всегда служит поводом к другому, новому, но сначала всегда только в зародыше (т.е. бывает это новое — в том). Каждое представление может посредством какой-либо своей составной части, ставшей схемою, т.е. какого-либо признака, побудить к воспроизведению другого, уже однажды когда-нибудь под этою самою схемою бывшего у нас, представления. Душа ищет повторить тот самый факт, который однажды был уже ею произведен, и из отдельного представления схемы (бывшей поводом) вновь образовать целостное представление. Но когда это становится возможным, когда схема может быть наполнена, в таком случае она опять, как прежде, должна быть приложена к ощущению, а следовательно, должна снова повториться, если и не внешнее раздражение нервов, то, по крайней мере, внутренняя деятельность мозга, изображенная в мозгу. Пока еще этого нет,

¹⁸ В рукописі нерозбірливо.

вызванное представление остается in potentia, в зародыше, в возможности. Стремление души вновь образовать в себе представления вызывает, поэтому, соответствующую мозговую деятельность, хотя в слабейшей степени. Таким образом, мы имеем некоторый род кругового движения: из ощущения бывает представление, представление же в свою очередь возбуждает само ощущение для того, чтобы из него и на нем иметь возможность развить новое представление. Поэтому при каждом представлении должен действовать и мозг. Но как нужно представлять себе это действие, в чем, собственно, должна состоять деятельность мозга и изображение в нем, это трудный и никогда не разрешимый пункт в вопросе.

Поскольку мы уже в области психического, дело уже гораздо легче. Ощущение есть ни что иное, как поражение души и возбуждение ее, произведенное посредством внутреннего или внешнего образа в мозгу, возбуждение к деятельности в определенной форме и определенном качестве, и что душа именно таким образом и в таком направлении возбуждается, к такому определенному образу действия, — это закон, основанный на устройении нашей натуры, закон, который мы должны признать как фактически действующий, чем мы можем пока довольствоваться.

О мозговой деятельности (поскольку она обуславливает собою представление, о действии ее на прочие органы мы здесь не говорим) мы никогда не знаем, что это такое. Мы с намерением прибавляем об этой трудности, чтобы не подумали, что мы считаем такое запутанное дело решенным, посредством нашего рассмотрения, чтобы яснее сознать, на что вообще нужно обращать внимание при объяснении представления, чтобы не довольствовались объяснением представления просто лишь как особенной деятельности мозга — способ, которым дело не решается, а только выгоняется в шею и этим прекращается всякое дальнейшее исследование.